

Т.С. Карпачева,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: tatiana-karpacheva@yandex.ru

**О возможном влиянии трактата Ч. Беккарии
«О преступлениях и наказаниях» на образный строй
и идейно-тематическое содержание романа
Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»**

В статье делается попытка выявить признаки возможного влияния трактата итальянского ученого Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» на роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В трактате Беккарии содержатся основные принципы современного права: принцип гуманизма (Беккария выступал против пыток и против смертной казни); принцип справедливости (Беккария настаивал на соответствии наказания общественной опасности преступления); презумпция невиновности и принцип осуществления правосудия только судом (положение «Никто не может быть назван преступником до вынесения приговора суда», которое сейчас ни у кого не вызывает сомнения и содержится в Конституции России, впервые сформулировано именно в книге Ч. Беккарии); принцип гласности судопроизводства. Учитывая интерес Достоевского к уголовному праву, сложно представить, что книга Беккарии осталась им незамеченной. Тем более важно отметить, что в ней, помимо правовых, поставлены и нравственные вопросы: ответственности, морали, психологии и самооценки преступника, соотношения понятий преступления и греха, т. е. все те вопросы, которые волнуют и Достоевского в его великом романе.

Ключевые слова: Достоевский; Беккария; право; преступление; наказание.

T. Karpacheva

**On the Possible Impact of the Treatise C. Beccaria
«On Crimes and Punishments» on the Imagery
and the Ideological and Thematic Content of the Novel
F.M. Dostoevsky «Crime and Punishment»**

The paper tries to identify the possible impact of the treatise Italian scientist Cesare Beccaria «On Crimes and Punishments» in the novel F.M. Dostoevsky's

«Crime and Punishment». In Beccaria's treatise contains the basic principles of modern law: the principle of humanism (Beccaria opposed torture and the death penalty); the principle of equity (Beccaria insisted accordance social danger of the crime of punishment); the presumption of innocence and the principle implementation of justice only by the courts (the position of «no one can be called a criminal before the verdict of the court», which is now no one in doubt and is contained in the Constitution of Russia, was first formulated in the book of C. Beccaria), the principle of publicity of court proceedings. Given Dostoevsky interest in criminal law, it is difficult to imagine that the book Beccaria left them unnoticed. Especially important to note that in the book are solved and moral problems: responsibility, ethics, relationship between the concepts of sin and crime, ie, all the issues that exist in Dostoevsky's novel.

Keywords: Dostoevsky; Beccaria; law; crime; punishment.

Исследователи указывают множество источников названия романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, в том числе и трактат итальянского философа и юриста XVIII века Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях». Так, Б.Н. Тихомиров отмечает трактат Беккарии в числе «возможных источников, которые могли подсказать Достоевскому название его романа», наряду с обзором В.П. Попова «Преступления и наказания. (Эскизы из истории уголовного права)», печатавшимся в журнале «Время» в 1863 году, и статьей П.Н. Ткачева «Статистические этюды: Преступление и наказание», опубликованной в журнале «Библиотека для чтения» в том же 1863 году «Но ни один из этих источников не может быть выделен преимущественно и тем более поставлен с романом Достоевского в прямую генетическую связь» [10: с. 42], — отмечает Б.Н. Тихомиров.

Е.А. Долиненко придерживается мнения, что «скорее всего, название романа “Преступление и наказание” все-таки отсылает читателей к трактату Беккарии» [5]. Более того, исследователь даже выдвигает версию, что название романа — своеобразная дань уважения Беккарии за его взгляды на правовые вопросы и в первую очередь на систему наказаний: «...Достоевский во многом разделял взгляды Беккарии на уголовное право и систему наказаний. Например, Беккария был одним из первых, кто выступил

против смертной казни. А Достоевский в свое время был приговорен к смертной казни по делу петрашевцев. Вероятно, Достоевский по-своему хотел отдать дань деятельности Ч. Беккарии» [5].

Итальянский литературовед Витторио Страда, указывая на роль трактата Беккарии для европейской правовой культуры Нового времени, вообще объединяет взгляды Беккарии и Достоевского: «...не случайно одно из величайших творений русской литературы — “Преступление и наказание” Достоевского — отсылает к названию трактата Чезаре Беккарии. У Достоевского проблема вины выходит за рамки чисто юридической и перерастает в метафизическую, приобретая этико-религиозную значимость. В действительности эти две стороны одной проблемы в сфере христианской культуры — совесть и правосознание — отнюдь не альтернативны. Эти два вида духовной энергии держат под контролем самые темные силы, тающиеся в отдельном человеке и социальной среде и всегда готовые взорваться, даже при полной “цивилизованности”. И преградой неистовству человеческих и социальных стихий служат не смертная казнь и тем более не пытки, — выражение атавистического варварства, — но, как учили Беккариа и Достоевский, прочность юридических принципов и твердость принципов моральных» [12: с. 11–12].

Вопрос о связи трактата Беккарии и романа Достоевского волнует не только филологов, но и юристов, социологов, политологов. Так, белорусский политолог В.И. Кочетков опять же объединяет взгляды Беккарии и Достоевского на вопрос о соотношении преступления и наказания: «Пеналогия — это наука о преступлениях и наказаниях. И основоположником этой науки является Чезаре Беккариа, основы которой он изложил в своей книге “Преступления и наказания”. Тут можно заметить, что Фёдор Достоевский заимствовал название этой книги в качестве названия своего знаменитого романа “Преступление и наказание”» [8].

Однако при том, что исследователи неоднократно обращались к вопросу влияния названия трактата Беккарии на название романа Достоевского, мы не обнаружили специальных работ, посвященных именно текстологическому анализу и сравнению обоих текстов.

Что же касается других указываемых исследователями источников, то, кроме названия, вряд ли что-то еще их сильно роднит с великим романом. Так, В.П. Попов в своем обзоре «Преступления и наказания. (Эскизы из истории уголовного права)» хоть и ставит остросоциальные проблемы изменения уголовного законодательства и приводит примеры «средневекового варварства» [9: с. 53] в Европе, однако далек от тех философских вопросов, которые решаются и в романе Достоевского, и в трактате Беккарии. «Статистические этюды. Преступление и наказание» П.Н. Ткачева, опубликованные в № 12 журнала «Библиотека для чтения», представляют собой данные о состоянии преступности, большей частью представленные в таблицах; здесь содержатся сведения, которые могли бы быть интересны историкам криминологии: о влиянии наказания на личность преступника, о рецидивах и т. д. Но вряд ли этот обзор как-то соотносится с великим романом, кроме самого его названия [11].

В данной статье мы предполагаем сделать попытку выявления возможного влияния трактата Беккарии на роман Достоевского, используя сравнительный анализ текстов обоих произведений. Не претендуя на выявление «прямой генетической связи», мы исследуем сходные вопросы, решаемые Беккарией и Достоевским, идеи, сюжеты, образы и, не утверждая наличие прямых заимствований в романе, рассматриваем общее направление мысли обоих гениев, книги которых изменили мир. Ибо мысль Н. Бердяева: «После него человек не тот, что до него» [1: с. 17], — о Достоевском можно с полной уверенностью отнести и к Ч. Беккарии.

Необходимо отметить, что трактат Беккарии был невероятно популярен и в России, и во всей Европе. Как отмечает В. Страда, «...эта небольшая книжка не только принадлежит к классике юридической мысли, но и входит в сокровищницу европейской культуры» [12: с. 8–9]. Фактически в трактате Беккарии содержатся основные принципы современного права:

- *принцип гуманизма*: Беккария выступал против пыток и против смертной казни. В его трактате содержится, по сути, первое теоретическое обоснование необходимости отмены смертной казни: «Что это за право, присвоенное людьми, зверски убивать себе подобных? — пишет

Беккариа и продолжает: смертная казнь не является правом и не может быть таковым» [2: с. 121];

- *принцип справедливости*: «наказание должно в максимальной степени соответствовать природе преступления. Это соответствие позволяет довольно легко соотнести побудительные мотивы к совершению преступления с отвращающим эффектом наказания» [2: с. 99]; «в целом суровость наказания и последствия преступления должны производить наиболее сильное впечатление на других и в минимальной степени отражаться на обвиняемом ...» [2: с. 98];
- *презумпция невиновности и принцип осуществления правосудия только судом*: положение «Никто не может быть назван преступником до вынесения приговора суда» [2: с. 82], которое сейчас ни у кого не вызывает сомнения и содержится в Конституции России, впервые сформулировано именно в книге Ч. Беккариа;
- *принцип гласности судопроизводства*: «Судебные заседания должны быть открытыми, — утверждает Ч. Беккариа, — доказательства преступления должны быть также доступны публике» [2: с. 78].

Книга Ч. Беккариа переведена на русский язык в 1803 г., однако была известна в России еще раньше. «Энциклопедисты называли Ч. Беккариа “новым Ликургом”, единственным законодателем своего времени, писали комментарии к его труду. На его мнение, как на новый закон, ссылались в уголовных судах Австрии, Германии и Франции, с ним искали встреч коронованные особы. Современники называли его идеи «откровением свыше и пророчеством будущего» [13: с. 7–8], — отмечает исследователь творчества Беккариа и переводчик его трактата на русский язык д-р юрид. наук, проф. Ю.М. Юмашев. Известно, что огромный интерес к идеям Беккариа проявляла Екатерина II. Прочитав его книгу, она приглашает его в Россию и предлагает ему заняться тем, «что он сам себе выбрал, опубликовав свой труд» [13: с. 13]. Приезд Беккариа в Россию не состоялся, но императрица не утратила интереса к его идеям: в 1767 году Екатерина пишет

«Наказ» — попытку систематизации законодательства, который представляет собой компиляцию из произведений Монтескье «О духе законов» и Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях». Как писал известный юрист XIX века С.И. Зарудный, выпустивший в 1879 году свой перевод книги Беккарии, «эта книга проникла “в плоть и кровь российского законодательства”, <...> это не итальянская, это русская книга, написанная только на итальянском языке: Екатерина II ее усыновила» [7: с. 167–168].

Учитывая интерес Достоевского к вопросам права, представляется маловероятным, что книга Беккарии могла обойти его стороной. Тем более следует отметить, что в ней, помимо правовых, поставлены и нравственные вопросы: ответственности, морали, психологии и самооценки преступника, соотношения понятий преступления и греха перед Богом и др. Как отмечает исследователь наследия Беккарии П.Н. Берков, «книга Беккарии, посвященная, казалось бы, специальному юридическому вопросу <...> имела большой и заслуженный успех в европейской читательской аудитории по той причине, что за видимой внешней оболочкой уголовно-правового трактата в ней скрывалось огромное число общетеоретических общепсихологических вопросов» [3: с. 61].^[16] Представляется вероятным, что Достоевского могло заинтересовать осмысление психологии преступника в книге Беккарии. Притом известно, что в период работы над подготовкой материалов для журнала «Время», т. е. незадолго до написания «Преступления и наказания», Достоевский читал сборники уголовных дел Франции. Как отмечает Л.П. Гроссман, его привлекла статья «Процесс Ласенера» [4: с. 333] — о юноше-преступнике, интересующемся литературой, искусством и пишущем стихи, в которых он представляет себя «борцом с несправедливым устройством общества» [6: т. VII, с. 335]. В трактате Беккарии мы также видим весьма необычное изображение психологии преступника, правда, не конкретного лица, а некоего «условного» преступника с его идеей социального бунта. При этом интересно отметить, что при отсутствии индивидуально очерченного образа, это вовсе не типичный, усредненный преступник, это тоже, можно сказать,

«герой-идеолог», подобный героям Достоевского: у него своя точка зрения, с помощью которой он оправдывает преступление. «Вот приблизительно как рассуждает разбойник или убийца, которых ничего, кроме виселицы или колеса, не сможет удержать от нарушения законов, — пишет Беккариа — <...> “Почему я должен уважать законы, которые проводят между мной и богатым такое различие? <...> Кто написал эти законы? Богатые и могущественные. Они ни разу не удостоили своим посещением хижины бедняка. И им никогда не приходилось делить кусок заплесневелого хлеба под крики невинных и голодных детей и слезы жены. Порвем эти цепи, губительные для большинства и выгодные только кучке праздных тиранов. Уничтожим несправедливость в зародыше. И тогда я вновь обрету свою естественную независимость, заживу привольно и счастливо, добывая на хлеб насущный своей удалейю и ловкостью. Может быть, и придет день раскаяния и скорби, но это будет лишь миг. За столь долгие годы свободы и удовольствий лишь один день мук расплаты. Во главе горстки людей я исправлю ошибки судьбы и увижу этих тиранов бледными и дрожащими от страха перед теми, кого они с оскорбительным высокомерием считали ничтожнее своих лошадей и собак”» [2: с. 127–128].

Желание преступника «исправить ошибки судьбы» — идеология, довольно близкая теории Раскольникова, хотя у Беккарии преступник и ограничивается только вопросами социального неравенства и, казалось бы, не задается вопросом деления людей на «два разряда». Однако это не совсем так. Преступник Беккарии не делит людей на два разряда и не решает вопрос, «тварь ли я дрожащая или право имею», только потому, что уже априори решил его. В начале своей книги Беккариа утверждает: «Еще ни один человек не пожертвовал безвозмездно даже частицей собственной свободы исключительно ради общественного блага. О подобных химерах пишут только в романах. В действительности же если бы у каждого из нас была такая возможность, то мы пожелали бы, чтобы договоры обязывали других, но не нас. *Каждый мнит себя центром Вселенной*» (курсив наш. — Т. К.) [2: с. 39].

Интересно также, что и в романе Достоевского присутствует некий «сниженный», «социальный» вариант теории Раскольникова,

который как раз прекрасно соотносится с теорией преступника из книги Беккарии. Пытаясь объяснить Соне мотивы своего преступления, но не желая открывать ей свою теорию («Ничего ведь ты не поймешь в этом, а только исстрадаешься вся... из-за меня» [6: т. VI, с. 318]), Раскольников вначале намеренно «снижает» ее, представляя как некий «социальный бунт»: «...ведь ты знаешь, что у матери моей почти ничего нет. Сестра получила воспитание, случайно, и осуждена таскаться в гувернантках. Все их надежды были на одного меня. Я учился, но содержать себя в университете не мог и на время принужден был выйти. Если бы даже и так тянулось, то лет через десять, через двенадцать (если б обернулись хорошо обстоятельства) я все-таки мог надеяться стать каким-нибудь учителем или чиновником, с тысячью рублями жалованья... (Он говорил как будто заученное). А к тому времени мать высохла бы от забот и от горя, и мне все-таки не удалось бы успокоить ее, а сестра... ну, с сестрой могло бы еще и хуже случиться!.. Да и что за охота всю жизнь мимо всего проходить и от всего отвертываться, про мать забыть, а сестрину обиду, например, почтительно перенести? Для чего? Для того ль, чтоб, их схоронив, новых нажить — жену да детей, и тоже потом без гроша и без куска оставить? Ну... ну, вот я и решил, завладев старухиними деньгами, употребить их на мои первые годы, не мучая мать, на обеспечение себя в университете, на первые шаги после университета, — и сделать всё это широко, радикально, так чтоб уж совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать... Ну... ну, вот и всё... Ну, разумеется, что я убил старуху, — это я худо сделал... ну, и довольно!» [6: т. VI, с. 319].

Обратим внимание на то, что здесь Раскольников, как и преступник из трактата Беккарии, оправдывает свое преступление некими выдуманскими образами жены и детей: «...жену да детей, и тоже потом без гроша и без куска оставить» [6: т. VI, с. 319]), // «...им никогда не приходилось делить кусок заплесневелого хлеба под крики невинных и голодных детей и слезы жены» [2: с. 127]. Конечно, этот вариант объяснения мотивов преступления не убедителен для Сони: она не верит, что человек, способный отдать последнее, может убить

ради «новой карьеры»: «Ох, это не то, не то, — в тоске восклицала Соня, — и разве можно так... нет, это не так, не так!

— Сама видишь, что не так!.. А я ведь искренно рассказал, правду!» [6: т. VI, с. 319–320]. Однако Раскольников действительно «сказал правду»: правду о том, что он посягает на старухины деньги, с тем чтобы употребить их, по его мнению, «во благо», только другое дело, что в данном монологе он ограничил это «благо» своим собственным, поэтому Соня и не может поверить ему: такой вариант объяснения звучит слишком плоско и снижено. Однако разница лишь в том, что на самом деле герой Достоевского, как, кстати, и преступник из книги Беккарии, предполагает «перераспределить» полученные от старухи деньги. Недаром он воспринимает как «предопределение» и «указание» идею студента, высказанную в трактире в день перед убийством, когда в его собственной голове <...> зародились *такие же точно мысли* [6: т. VI, с. 55] (курсив Достоевского. — *Т. К.*): «Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотня, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — и все это на ее деньги» [6: т. VI, с. 54]. Сравним: «Во главе горстки людей я исправлю ошибки судьбы...» [2: с. 128] — преступник Беккарии, как видим, тоже помышляет не только о своем собственном благе.

В черновых записях к роману мы можем найти указание на замысел о характере Раскольникова, к которому уже буквально применимы ставшее крылатым выражение Беккарии «каждый мнит себя центром Вселенной» и идеология изображенного им преступника: «В его образе выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество. Деспотизм — его черта. <...> Он хочет властвовать — и не знает никаких средств. Поскорей взять во власть и разбогатеть. Идея убийства и пришла ему готовая» [6: т. VII, с. 155].

Конечно, теория Раскольникова значительно шире теории преступника из трактата Беккарии, однако во многом, т. е. в социальных

вопросах и вопросе дозволения себе убийства, — прямо соотносится с ней.

Как мы видим, в своем коротком трактате, помимо собственно правовых вопросов, Беккариа поднимает и вопросы психологические. Притом интересно, что его столь же волнует психология преступника, сколь и методы его допроса для сбора доказательств. «По мнению криминалистов, — указывает Беккариа, — вопросы должны кружить по спирали вокруг факта, но не идти к нему по прямой. Этот метод обосновывают двумя соображениями: или опасением внушить подсудимому ответ, который бы сразу отвел от него все обвинения, или, может быть, полагают противоестественным для подсудимого предъявлять непосредственно самому себе обвинения» [2: с. 167]. Нельзя сказать, чтобы сам автор был согласен с этой методикой — он лишь упоминает о ней в своих рассуждениях. Интересно, что изображение подобного метода, вернее, обсуждение его, мы видим в разговоре Раскольникова с Порфирием Петровичем. «...ведь это существует, кажется, такое юридическое правило, такой прием юридический — для всех возможных следователей — сперва начать издалека, с пустячков, или даже с серьезного, но только совсем постороннего, чтобы, так сказать, ободрить или, лучше сказать, развлечь допрашиваемого, усыпить его осторожность и потом вдруг, неожиданнейшим образом огорошить его в самое темя каким-нибудь опасным и роковым вопросом; так ли?» [6: т. VI, с. 256] — спрашивает Раскольников. «...эти допросы иной раз самого допросчика больше, чем допрашиваемого, с толку сбивают... <...> Запутаешься-с! Право запутаешься! <...> А уж про приемы-то наши юридические — как остроумно изволили выразиться — так уж совершенно вполне с вами согласен-с. Ну кто же, скажите, из всех подсудимых, даже из самого посконного мужичья, не знает, что его, например, сначала начнут посторонними вопросами усыплять (по счастливому выражению вашему)...» [6: т. VI, с. 258], — вторит ему Порфирий Петрович, подшучивая, в своей манере, над подозреваемым.

На наш взгляд, помимо психологических, можно выделить и ряд философских вопросов, поднятых в книге Беккарии, которые могли заинтересовать Достоевского и отголоски которых мы находим

в романе «Преступление и наказание». Это, во-первых, уже упоминавшееся отношение к смертной казни и философское осмысление этого вопроса. По мысли Беккарии, «злоупотребление смертными приговорами <...> никогда не делало людей лучше», и смертная казнь не может быть «правом» государства. «Каким образом малая толика собственной свободы, отданная каждым ради общего блага, сделала возможной жертву величайшего из всех благ — жизнь? [2: с. 121] — недоумевает философ и продолжает: Мне кажется абсурдом, когда законы, представляющие собой выражение воли общества, законы, которые порицают убийства и карают за него, сами совершают то же самое» [2: с. 128]. Заметим, Беккариа высказал эту мысль задолго до восклицания Сонечки в романе Достоевского: «Убивать! Убивать-то право имеете?» [6: с. 322].

И еще одна идея, которая могла заинтересовать Достоевского в трактате «О преступлениях и наказаниях», — это мысль о «несправедливости во благо». «Несправедливость во благо не может быть терпима таким законодателем, который хочет наглухо запереть все двери перед дремлющей тиранией, прельщающей сиюминутными выгодами и счастьем немногих избранных, с презрением относящихся к обреченности и слезам бесчисленной серой массы», — утверждает Беккариа [2: с. 112]. Вообще, для Беккарии вопрос тирании и методов порабощения тираном себе подобных весьма интересен, и он неоднократно обращается к нему на протяжении своего трактата. Так, рассуждая о недопустимости произвола власти, Беккариа делится наблюдением: «Подлинный тиран начинает всегда с того, что порабощает общественное мнение» [2: с. 68]. Мысль о том, что «несправедливость во благо» ведет к тирании, вряд ли могла бы оставить равнодушным Ф.М. Достоевского. Отчасти эта мысль также соотносится с теорией Раскольникова и даже более — с замыслом о Раскольникове как о деспоте, мечтающем о власти (в романе окончательный образ Раскольникова весьма далек от этого замысла). Идея «несправедливости во благо», ведущей к тирании, в творчестве Достоевского главным образом осмысливается в романе «Братья Карамазовы» в образе Великого Инквизитора и отчасти в романе «Бесы». Однако этот вопрос уже выходит за рамки нашего исследования.

Представляется, что сходство в мировоззрении двух великих гениев — тема, требующая дальнейшего рассмотрения, ибо те вопросы познания мира и законов бытия, которые ставятся и решаются в литературе, не могут не оказывать влияния на развитие правосознания, и наоборот — развитие правовой культуры и правового сознания дает толчок развитию культуры и литературы.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Самопознание // Бердяев Н.А. Соч. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 448 с.
2. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2000. 240 с.
3. *Берков П.Н.* Книга Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» в России // Россия и Италия. М.: Наука, 1968. С. 57–76.
4. *Гроссман Л.П.* Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1965. 608 с.
5. *Долиненко Е.А.* Название романа «Преступление и наказание» и его история. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alldostoevsky.ru/2015/04/smysl-zaglavija-romana-prestuplenie-i-nakazanie.html> (дата обращения: 20.06.2016).
6. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. *Зарудный С.И.* Беккариа «О преступлениях и наказаниях» в сравнении с гл. X «Наказа» Екатерины II и с современными русскими законами: материалы для разработки сравнительного изучения теории и практики уголовного законодательства. СПб., 1879. 196 с.
8. *Кочетков В.И.* Основные аргументы против смертной казни были сформулированы 250 лет назад. [Электронный ресурс]. URL: <http://dp.spring96.org/ru/news/67615> (дата обращения: 20.06.2016).
9. *Попов В.П.* Преступления и наказания (эскизы из истории уголовного права) // Время. 1863. № 3. С. 17–53.
10. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь, гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
11. *Ткачев П.Н.* Статистические этюды. Преступления и наказания // Библиотека для чтения. 1863. № 12. С. 1–33.
12. *Страда В.* Предисловие // Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bekkar/_01.php (дата обращения: 20.06.2016).

13. Юмашев Ю.М. Беккариа и Россия // Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2000. 240 с.

References

1. *Berdyayev N.A.* Samopoznanie // Sochineniya. M.: E'ksmo-Press, 1999. 448 s.

2. *Bekkaria Ch.* O prestupleniyax i nakazaniyax / per. s it. Yu.M. Yumasheva. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2000. 240 s.

3. *Berkov P.N.* Kniga Chezare Bekkarii «O prestupleniyax i nakazaniyax» v Rossii // Rossia i Italia. M.: Nauka, 1968. S. 57–76.

4. *Grossman L.P.* Dostoevskij. M.: Molodaya gvardiya, 1965. 608 s.

5. *Dolinenko E.A.* Nazvanie romana «Prestuplenie i nakazanie» i ego istoria. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.alldostoevsky.ru/2015/04/smysl-zaglavija-romana-prestuplenie-i-nakazanie.html> (data obrashheniya: 20.06.2016).

6. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. L.: Nauka, 1972–1990.

7. *Zarudny'j S.I.* Bekkaria «O prestupleniyax i nakazaniyax» v sravnenii s gl. X «Nakaza» Ekateriny' II i s sovremenny'mi zakonami: materialy' dlya razrabotki sravnitel'nogo izucheniya teorii i praktiki ugolovnogo zakonodatel'stva. SPb., 1879. 196 s.

8. *Kochetkov V.I.* Osnovny'e argumenty' protiv smertnoj kazni by'li sformulirovany' 250 let nazad. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://dp.spring96.org/ru/news/67615> (data obrashheniya: 20.06.2016).

9. *Popov V.P.* Prestupleniya i nakazaniya (e'skizy' iz istorii ugolovnogo prava) // Vremya. 1863. № 3. S. 17–53.

10. *Tixomirov B.N.* «Lazar', gryadi von». Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentarij. SPb.: Serebryanny'j vek, 2005. 472 s.

11. *Tkachyov P.N.* Statisticheskie e'tyudy'. Prestupleniya i nakazaniya // Biblioteka dlya chteniya. 1863. № 12. S. 1–33.

12. *Strada V.* Predislovie // Bekkaria Chezare. O prestupleniyax i nakazaniyax. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bekkar/_01.php (data obrashheniya: 20.06.2016).

13. *Yumashev Yu.M.* Bekkaria i Rossia // Bekkaria Ch. O prestupleniyax i nakazaniyax / per. s it. Yu.M. Yumasheva. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2000. 240 s.